

ДМИТРИЙ КРЮЧКОВЪ.

Цвѣты ледяные.

Вторая книга стиховъ.

Видимъ яко зима хочетъ быти:
Сердце озябло и ноги задрожали.

Протопопъ Аввакумъ.

И-во

„Старованный Странникъ“.

Пасха.

ТЕБѢ—МАРІЯ!

О милая, вѣруй въ любовь!
Любовь заключить въ яго строкъ,
Въ размѣренный, рифменный шагъ—
Не значить ли лечь въ саркофагъ,
Тому, кто безумствовать могъ.
О милая, вѣруй въ любовь!
Упорное, словно агать,
Любовное горе молчить—
Не мудрый ли рѣдкостный кладъ
Вдали, подъ землею, хранить.
О милая, вѣруй въ любовь!
Ты знаешь печали безъ слезъ,
Безъ смѣха и крика восторгъ—
Такъ въ море влюбленный матросъ
Проходить безсмысленный торгъ.
О милая, вѣруй въ любовь!
Есть тысячи пѣвчихъ дорогъ,
На нихъ я причудникъ и магъ,
Но кто бы безрадостный могъ
Любовь заключить въ саркофагъ?
О милая, вѣруй въ любовь!

18 сентября 1913 г.

ГОРОДСКАЯ БИБЛИОТЕКА
ИСТОРИЧЕСКАЯ
ОТДѢЛЪ

484906

Не будь, какъ Марѳа, суетливъ,
 Будь, какъ Марія, вѣще чутокъ—
 Міръ такъ таинствененъ и жутокъ,
 Какъ надъ водой склоненье ивъ.
 Будь вѣчно-радостно крылатъ,
 Великодушенъ, юнъ и добръ,
 Пусть зѣвы гибельные кобръ
 Ужалы темные таятъ.
 Уже къ концу склонился день;
 Тускнѣетъ яркое свѣтило
 И ярость свѣта поглотила
 Несыто-жаждущая тѣнь.
 Зажглись вечерніе огни...
 Для сердца ночи нѣтъ—нетлѣнно
 Оно горитъ и бѣется плѣнно
 И рвется съ крикомъ «Раввунн»!

Наводящіе жуть вечера,
 По угламъ смутноликія тѣни,
 Завтра тоже, что было вчера,
 Ночью—страхи и муки моленій.
 И лампады огонь желтоокъ,
 Сновъ неясны и темны предѣлы—
 Отогнать я, безсильный, не могъ
 Скучной памяти острыя стрѣлы.
 Завтра тоже, что было вчера,
 Паутинчато-сѣрыя сѣти,
 Наводящіе жуть вечера
 И мечты о покинутомъ свѣтѣ.

Акростихъ.

Геодору Сологубу.

Театромъ будничнымъ наскучивъ,
 Его покинувъ жалкій плѣнь,
 Отплыть ты хочешь нынѣ въ тучи,
 Душою магъ, а тѣломъ—тлѣнь.
 Отъ пыльныхъ долъ тебѣ не скучень
 Ракитный путь въ иной предѣль,
 Усмѣйнымъ зовомъ кличуть кручи,
 Сіяньемъ сыплеть солнцестрѣль.
 Отравно зыбкое мечтанье—
 Лечу и самъ тебѣ вослѣдъ.
 Отринувъ сумраковъ познанье
 Гоню мечту земныхъ побѣдъ.
 Улада нѣжить чашу губъ,
 Буквъ странно-мило сочетанье—
 Утомно шепчешь—Сологубъ.

Зимнимъ вечеромъ.

Вчера упалъ пушистый, первый снѣгъ...
 Вы вечеромъ пришли—и томный и печальный.
 На тонкій ледъ едва застывшихъ рѣкъ
 Фатою легъ уборъ зимы вѣнчальный.
 Вашъ томный взглядъ былъ нѣжно утомленъ
 И смуглыхъ щекъ померкъ румянецъ алый—
 О милый спутникъ мой, о гость мой запоздалый,
 Какъ Вашъ приходъ мной былъ благословленъ.
 Пѣлъ клавишинъ прозрачно нѣжный звукъ,
 Тетради нотъ свои раскрыли чары
 И вспышки пламени въ каминѣ были яры,
 Узоръ мелодіи вился изъ милыхъ рукъ.
 Вашъ голосъ пѣлъ страданія Орфея,
 Желаньями любви бесплодно пламенѣя.

Снѣгопадъ.

Въ безснѣжномъ холодѣ
 Чужими
 Бродили
 И о лѣсовъ минувшемъ золотѣ
 Словами странными, иными
 Мы говорили..
 И вдругъ откинули оконный
 Пологъ:
 Лежитъ вездѣ нѣмой, бездонный,
 Желанный снѣгъ.
 И снова день, какъ сонъ, недологъ
 И груди рѣкъ
 Въ ледяной искрятся кольчугѣ..
 И гимны мы слагаемъ व्यюгѣ:
 «О Снѣгопадъ,
 Смѣнившій скучный Листопадъ,
 Заворожи,
 Запороши
 Дѣвичій слѣдъ на троттуарѣ,
 Осеребри налеты гари!
 Вновь на аркадахъ
 Снѣга сжима
 И сердце холодомъ палимо
 Въ желанныхъ взглядахъ.
 Утраченной невинности нарядъ
 И санный бѣгъ,
 Ледяный панцырь рѣкъ—
 О Снѣгопадъ!»!

Гаданье.

И пойду сегодня ворожить:
 На церковной паперти я стану
 Ровно въ полночь; вьюгѣ—океану
 И велю мой слѣдъ запорошить
 И къ ночнымъ я голосамъ подстану—
 О Царицѣ стану ворожить.
 Въ темной глади злыхъ зеркалъ
 Пламя
 Вдругъ заколебаль
 Вѣщій духъ...
 Точно кто-то прошенталь,
 Знамя,
 Рѣя, развѣваль
 И потухъ.
 Въ безконечной тьмѣ ходовъ
 Золотой
 Мнѣ мелькнулъ
 Милый локопъ...
 Кто-то нижетъ жемчугъ словъ,
 Чередой
 Потонулъ
 Въ нишахъ оконъ...
 Потухнетъ краткій день, зажгутся фонари
 И я пойду по улицамъ гадаю,
 Въ случайной встрѣчѣ имя узнавая...
 Сіянье электрической зари
 Укажетъ путь. Лицо свое скрывая,
 Гадать я стану, какъ зажгутся фонари.

Зимнія лиліи.

Какъ звукъ далекій осень скоротечна,
 Чуть прошуршавъ, исчезла въ даль времянь
 И садъ моихъ стиховъ уныль и обнаженъ
 Безжалостно, безгрезно и извѣчно.
 А тамъ, гдѣ фей былъ призрачный дворецъ,
 Сугробы снѣжные слѣпятъ глаза мнѣ бѣло,
 Аллея грезъ фату снѣговъ одѣла,
 На вѣткахъ—мертвенный, сверкающій вѣнецъ.
 О чудо! Гдѣ нога твоя легко ступаетъ
 И слѣдъ въ снѣгу оставитъ за собой,
 Чаровной, заколдованной чредой
 Вдругъ лилія внезапно расцвѣтаетъ.
 О шепотъ радостный волшебныхъ, зимнихъ лилій!
 О мука сладкая воскреснувшихъ беспилій!

Я унесенъ на талой льдинѣ
 Въ далекій, хмурый океанъ,
 Я здѣсь одинъ въ его пустынь,
 Я бурей яростною пьянъ.
 Я знаю, льдистые пріюты
 Поглотитъ солнечный Драконъ
 И эти клики влажной смуты
 Со мною кануть въ вѣчный сонъ.
 Но унесенъ на талой льдинѣ
 Я славлю ярость гнѣвныхъ чаръ
 И гибну въ суетной гордынѣ
 Поклонникъ огненной святыни,
 Завидѣвъ солнѣчный пожаръ,
 Несущій смерть холодной льдинѣ.

Теодору Сологубу.

Дни медлительны и спутаны
 И тоской напоены,
 Свѣтлой дымкою окутаны
 Голубые ночи сны.
 Мы окованы, закованы
 Въ золотыя цѣпи Дня,
 Ввечеру мы очарованы
 Алымъ полымемъ огня.
 Потому мы любимъ сонные
 Поцѣлуй какъ въ бреду,
 Въ снахъ объятія нескромныя
 И томительное «жду!»
 Потому мы любимъ сѣрыя
 Тѣни вечера въ углахъ,
 Крѣпче любимъ, слаще вѣруемъ,
 Дѣлимъ тьмы манящій страхъ.
 Дни медлительны и спутаны,
 Сны плѣнительно ясны,
 Любимъ радостно окутаны
 Въ сумракъ ласковой волны.

Мной міръ преображень!
 Изъ тонкаго стекла
 Стѣною окружень
 Не вѣдаю я Зла,
 Ни радостей Добра,
 Ни горечи разлукъ—
 Мой духъ—какъ летъ пера
 Безъ свѣта и безъ мукъ.
 Любовь за той стѣной
 Какъ яркій истуканъ,
 Но между нимъ и мной
 Стекольчатый туманъ.
 И я смѣюсь, пою
 Въ кругу стеклянныхъ стѣнъ—
 Ужель не разобью
 Прозрачно-хрупкій плѣнь?

Лишь для обрядовъ, для молитвы
 Сплетай восторженные руки!
 Другимъ—любовныя ловитвы,
 Тебѣ—Голговы крестъ и муки.
 И только въ чинѣ постриженья
 Разсынь дѣвическія косы,
 Отвѣтъ, при ладана моленьи,
 На неизбежные вопросы.
 Другимъ—любовь и сны и маки!
 Тебѣ—лампадные огни,
 Съдые, гаснущіе дни
 И на Распятіи въ полумракѣ
 Мученій радостные знаки
 И каждодневное «Распни!»

Сердце лапой звѣриною схвачено,
Баюномъ снѣговымъ омиражено,
Утро будетъ огнемъ омаячено
И моленіе будетъ уважено.
А пока шепотанья и лепеты,
Все неясно, все смутой отравлено
И въ зыбучіе, липкіе трепеты
Сердце страхомъ ночнымъ замуравлено.
За стѣной—баюна ликованіе,
На иконахъ—минувшіе праздники,
Чьихъ-то губъ неживыхъ цѣлованіе...
И тихонько лепечуть указники:
«Преклонись, преклонись предъ престолами,
За дверями—дыханье Блаженного,
Окропимъ мы пахучими смолами
Трепетанія сердца плѣненного.
Обовьемъ пеленами; надгробные
Пропоемъ мы стихи, съ цѣлованіемъ
Мы опустимъ въ жилища утробныя
Тѣло съ сладостно-горькимъ рыданіемъ.
Ангель двинетъ надгробное каменье,
Въ третій день засверкаетъ лученіе,
Снова будетъ прошедшее знаменье,
Снова день твоего воскресенія».
Тише вы, шепотанья и лепеты,
Мнѣ блужданье надолго назначено,
Страхи, радости, муки и трепеты,
Сердце лапой звѣриною схвачено.

Если тѣни тихо плачутъ,
 Будеть сонъ твой смутенъ значить...
 Ты уснешь
 И въ кругу твоихъ видѣній
 Ты увидишь солнце, тѣни,
 Лѣто, рождѣ...
 Точно шаловливый мальчикъ
 Колокольчика бокальчикъ
 Вдругъ сорвешь
 И у милой златорусой
 Цѣловать хотѣлъ бы бусы—
 Горьки будутъ тѣ укусы
 Пчелъ былыхъ воспоминаній,
 Дѣтства радостныхъ признаній,
 Въ жаркомъ воздухѣ плесканій.
 И слезу
 За слезою ты уронишь,
 Въ сѣти сонныя потонешь,
 Въ бирюзу.
 А бессмысленности цѣпи
 Станутъ яростно—нелѣпѣй...
 Тяжкій день
 Оглушаетъ жгучимъ звономъ,
 Гнетъ томительнымъ закономъ.
 Гдѣ сирень,
 Гдѣ тихонько тѣни плачутъ
 Челноки твои маячатъ
 Въ отдыхъ, тѣнь,
 Къ тѣмъ лугамъ, гдѣ ты, какъ мальчикъ,
 Колокольчика бокальчикъ
 Вдругъ сорвешь,
 Гдѣ не жалятъ злыя пчелы,
 Гдѣ, вдыхая сосенъ смолы,
 Ты поешь.

Былъ Лазаремъ четверодневымъ,
 Возсталъ, но гроба пелены
 Влачу наслѣдіемъ я гнѣвнымъ
 Тѣней покинутой страны.
 И свѣта ликъ мнѣ чуждъ и страшенъ,
 Люблю беззвучность, вечера...
 Могу ль вкушать земныхъ я брашенъ
 Пещеру кинувшій вчера?
 И память смерти сердце точить
 И жду исчезнувшихъ тѣней,
 А Солнце яростно пророчить
 Мнѣ хороводы долгихъ дней.
 И брежу пѣніемъ плачевнымъ
 И помню гроба пелены
 И жажду быть четверодневымъ
 Во тмѣ покинутой страны.

На свѣга упали тѣни розовыя,
 Сегодня конецъ январю...
 Рощи въ инеѣ красуются березовыя,
 А въ небѣ потокъ янтарию...
 На душѣ свѣтло и херувимчато,
 Загораются надежды на весну,
 Облака поютъ восторженно и дымчато,
 Все блеститъ—куда я ни взгляну!
 Водяной на волю снова просится,
 Въ ледяномъ томится полону,
 Въ полынью на солнце, жмурясь, косится
 И уходитъ медленно ко дну.
 Такъ воздушно таютъ тѣни розовыя...
 Сегодня конецъ январю.
 Въ сердцѣ—май и шепоты березовые...
 Вотъ повѣрилъ солнцу—и горю!

У себя.

Дни какъ медленные шарики
 Вѣчно-милыхъ, старыхъ четокъ,
 Ночью—дальнихъ звѣздъ фонарики...
 Духъ и радостенъ и кротокъ.
 Лица нѣжныя, знакомыя,
 Мебель въ обветшаломъ вкусѣ,
 Умилительно-истомный
 Ликъ на вышитомъ убрѣ.
 Въ небѣ точно перья страуса
 Тучи мечутъ пышный вѣеръ.
 За стѣной играютъ Штрауса
 И романсы Клары Мейеръ.
 На стѣнахъ—виды и мелочи,
 На открыткахъ—honeymoon,
 На столѣ—немного мелочи,
 Альманахъ и въ немъ «Вдовунъ».
 Дни какъ медленные шарики
 Вѣчно-милыхъ, старыхъ четокъ;
 Вечеръ—дальнихъ звѣздъ фонарики.
 Сонъ и благостенъ и кротокъ.

24/VIII—13.

Небо какъ ткань узорчѣя бухарскаго,
 Взводни высокіе тихо идутъ,
 Вѣрно далеко отъ холода Карскаго
 Лѣды вѣковѣчные къ югу плывутъ.
 Тяжко пахнуло дыханіемъ сѣвернымъ,
 Волны отпрянули, ринулись вновь...
 Горе полямъ вокругъ обители клевернымъ!
 Солнце полярное—кровь,
 Небо полярное матово-зелено,
 Тундра скалистая, даль,
 Снѣгъ вѣковой въ горныхъ кряжей расщелинѣ
 И вѣковая печаль.
 Солнце какъ пурпуръ величества царскаго,
 Соль изумрудовъ воды,
 Тихо плывутъ вдаль отъ холода Карскаго
 Голубоглазые лѣды.

Горло Бѣлаго моря, лѣто 13 года.

Песья голова.

Во мглѣ ушедшаго, далекой и сѣдой,
 Чтобъ женской прелестью не быть столь уязвленнымъ,
 Въ даръ многихъ слезъ, моленій преклоненныхъ,
 Вънчался юношѣ песей головой.
 И нынѣ такъ—главу—обличье пса
 Мнѣ ниспошли, чтобъ могъ я въ сей юдоли
 Безъ усталы глядѣться въ небеса,
 Какъ песъ-отверженецъ, въ смиренной, низкой долѣ
 И воплемъ славить мощь и чудеса
 Твоей божественной и благодатной Воли.

23 10—13.

Тріолетъ.

Всего лишь восемь строкъ и снова
 Ужъ тріолетъ поетъ, звенить...
 Ужели сердце свой зенитъ
 Достигнуть жалкое готово?
 Ужъ тріолетъ поетъ, звенить:
 «Иди, влюбляйся смѣло снова!
 Любовь, какъ сновъ твоихъ основа,
 Какъ тріолетъ поетъ, звенить»!

° ° °

Жизнь—это чара ложныхъ, бѣлыхъ зимъ,
 Рѣка одѣтая въ льда саккосъ блѣдно-синій,
 Жестокій хрустъ, опаловъ зыбкій дымъ
 И четкость строгая дворцовыхъ, важныхъ линій.
 Смерть—это садъ, нездѣшній, вѣчный садъ,
 Цвѣтъ пышнодліящійся надменныхъ, райскихъ Регій,
 Престолъ властительный, фонтановъ звонкихъ рядъ,
 Блаженства азбука безъ гибельной омеги.
 И если смерть мнѣ дастъ забвеніе зимъ,
 Сонъ тихій, радостный на вѣчно-жданномъ брегѣ,
 Все буду помнить я среди гордыхъ, райскихъ Регій
 Печали бывшія, опаловъ зыбкій дымъ,
 Искать мучительной, карающей омеги
 Вънчавшей ледъ моихъ немногихъ зимъ.

8, 10—13.

Ты одѣта въ ротонду изъ лучистыхъ свѣжинокъ.
 Пятый ужъ часъ минуетъ. Вечеръ благостно тихъ.
 И въ далекой лазури Кто-то тысячи льдинокъ
 Разбросалъ такъ небрежно. Въ сердцѣ радостный стихъ.
 Ты подумай, какъ ночью будетъ ярко лучиться,
 Изумрудами сыпать тамъ вдали океанъ.
 Какъ надъ нимъ будетъ рѣять черноокая птица,
 Чернокрылая птица—вѣщедревній бакланъ.
 Ты подумай, какъ ночью встанетъ ветхій святитель
 Изъ серебряной раки, какъ беззвученъ и тихъ
 Обойдетъ онъ всю тундру, сбережетъ онъ обитель
 Отъ невидимыхъ ликовъ, отъ обиды и лихъ.
 Ты подумай, какъ ночью хладноокой громадой
 Льды полярные стнутъ, чала къ Новой Землѣ,
 Точно сирья дѣти, голубые номады,
 Проплывая, маячатъ въ мѣрно-зыблемой мглѣ.
 На окнѣ—плачъ узорный изъ замерзшихъ слезинокъ
 Словно я, онъ капризенъ, словно стынущій стихъ.
 Ты проходишь въ ротондѣ изъ лучистыхъ свѣжинокъ.
 Пятый часъ ужъ минуетъ. Вечеръ благостно тихъ.

Въ снѣгу.

Ослѣпительная пудренница
 Золотой голубокудренницы
 Опрокинулась опять!
 Снова я, забывъ усталости,
 Въ пылкихъ, сумерочныхъ аlostяхъ
 У подъѣзда буду ждать.
 Надо мной въ лугахъ лазурчатыхъ
 Проплываютъ вдаль ажурчато
 Снѣговья облака...
 Въ ледяной, холодной прелести
 Сколько скрипа, сколько шелеста!—
 Звѣздоносная рѣка.
 День какъ малая жемчужина,
 Сердце твердо и остужено,
 Сердцу нечего терять.
 Ослѣпительная пудренница
 Золотой голубокудренницы
 Опрокинулась опять!

24/8—13.

С н ы.

Сонныя струнныя струи...
 Сѣтъ соплетаемыхъ сагъ...
 Манить медлительный магъ
 Чѣмъ-то чудесно чаруя.
 Поступь пестрѣющихъ павъ...
 Тонкіе таютъ туманы.
 Рдяныя, рваныя раны—
 Ужасъ—утомный удавъ.
 Ломкій лазоревый ледъ
 Душу до утрени давить.
 Принцемъ плѣнительнымъ править
 Ласточки легкой полеть.
 Инокомъ ино иду я
 Немоощень, набоженъ, нагъ.
 Манить медлительный магъ...
 Сонныя струнныя струи...

2/X—13.

Октябрь въ началѣ. Вновь студено.
Снѣгъ пляшетъ бѣлый свой балетъ,
А я слагаю тріолетъ
Подъ жаркой лампою зеленой.
Какъ снѣга я люблю балетъ!
Вѣдь Вы сказали въ мѣсяцъ ноны:
«Мнѣ кажется, что Ваши стоны
Лишь снѣга тающій балетъ»!

7/XI—13.

Приду къ какому очагу?
Къ какой я пристани причаю?
Цвѣтовъ нарву на чьемъ лугу?
Тебѣ ли душу офиаю?
Спокойные, меня не впустите,
Хотя кругомъ полярный ледъ.
Жестокій зимній хладъ и хрустъ. И тѣ
Огни пьютъ вѣтровый налетъ.
Зеленопѣнная тревожится
За дальней скальностью волна
И кто-то плачетъ, стонетъ, божится
И вьюга яростно пьяна.
А утромъ, у порога входнаго,
Подъ синимъ, радостнымъ стекломъ,
Мы тѣло блѣдное, холодное
Спокойные опять найдемъ.
И буду я глядѣть на трупное,
На мой почившій прежній ликъ
И снова чаять Неприступнаго,
Кто такъ далекъ, кто такъ великъ.
И это зная, берегу
Свои я слезы—плачу мало...
Приду къ какому очагу?
Когда увижу дно фіала?

11/XI—13.

*
*
*

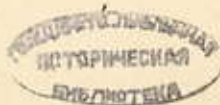
Любить, я знаю, грѣхъ, я знаю, что нельзя,
 Что стыдно мнѣ любить—вѣдь я монахъ всегдашній,
 Вѣдь межъ плакучихъ ивъ идетъ моя стезя
 Чрезъ кельи темныя къ инымъ, нездѣшнымъ брашнямъ.
 Весь міръ мнѣ монастырь зеленый и простой,
 А ты—келейница, ты радостное чудо,
 Такъ будь отнынѣ мнѣ молитвенной сестрой
 И литургійнаго не оскверный сосуда.
 Мнѣ сердце кровь зажгла Его священныхъ ранъ,
 Что такъ горять и жгутъ, углемъ блаженнымъ тѣя—
 Нашъ бракъ съ тобою—тамъ, въ селеніи синихъ Канъ,
 Тамъ, гдѣ лучистая воскреснетъ Галилея.
 Мы будемъ братья съ сестрой. Пусть похотью грозя
 Рождаетъ темный дымъ Ликъ тающій и страшный.
 Не быть твоимъ мнѣ здѣсь—вѣдь мнѣ любить нельзя,
 Вѣдь стыдно мнѣ любить, вѣдь я монахъ всегдашній.

7/X—13.

*
*

Я все глядѣлъ бы въ Око темное,
 Въ Твой древній Ликъ
 И вдругъ, рыдая, въ губы томныя
 Съ мученьемъ вникъ.
 Какъ ястребъ птицу оробѣлую
 Когтитъ и рветъ,
 Такъ душу юрода несмѣлую
 Моленье жжетъ.
 Вкругъ жаркій шепотъ вспыхекъ пламени...
 Отрадно мнѣ
 Всю ночь, весь день ждаты тщетно знаменья,
 Кипѣть въ огнѣ,
 Лобзаты и раны ногъ гвоздинныя...
 Тихонько пѣть
 И муки сумрака старинныя
 И сердца плетъ.
 И чуютъ крылія огромныя
 И въ мукѣ той
 Увидѣтъ вдругъ, что Око темное
 Полно слезой.

3/X—13.

 Типографія Т-ва «Свѣтъ», Петербѣ 136.

Повремени! Рѣка хранить
Еще свой льдистый, бѣлый щитъ.
Ея серебряная нить
Еще не можетъ неба пить.
Едва промчавшійся морозъ
Порывы вьюгами занесъ
И можно къ храму не дойти,
Идя по талому пути.
Повремени! Мгновеній ходъ
Страстей субботу принесетъ
И грянетъ радостный канонъ
И поцѣлуетъ сердце звонъ
И будетъ вновь горѣть алтарь,
Полюбитъ сердце, какъ и встарь!
Повремени! Любовь хранить
Весны зеленый, юный щитъ!

„Очарованный Странник“

АЛМАНАХИ ИНТУИТИВНОЙ КРИТИКИ И ПОЭЗИИ.

Въ первыхъ трехъ выпускахъ помѣщены стихи **В. Сологуба**, **З. Гиппиусъ**, **Игоря Сѣверянина**, **Д. Крючкова**, **Р. Ивнева** и др., статьи **А. Чеботаревской**, **В. Ховина**, **Д. Крючкова**, **Келейника** и др.

Содержаніе выпуска четвертаго (мартъ): Стихи **Игоря Сѣверянина**, **Д. Крючкова**, **Р. Ивнева**, **М. Струве**. Статьи **Виктора Ховина**—Поэзія талыхъ сумерекъ, **Келейника**—Лимонадная симфонія, **Свѣнельда**—Религія иллюзіи. Библиографія.

Цѣна выпуска 35 копѣекъ.

Продажа во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и въ издательствахъ:
Невскій пр., д. 160, кв. 2. Телеф. 45—90.

В. Р. Ховинъ.

ЛЮБОВЬ КЪ ТРЕМЪ АПЕЛЬСИНАМЪ. ЖУРНАЛЪ ДОКТОРА ДАПЕРТУТТО. (о театрѣ)

выходить въ СПБ. съ 1914 года въ количествѣ 7—10 книжекъ
въ годъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА 3 р. ЗА ГОДЪ.

Отдѣльныя книжки 50 к.

Адресъ редакціи: Театральная площадь д. № 2.

Редакторъ-издатель Вс. Мейерхольдъ.

Димитрій Крючковъ.

„Падунъ немолчный“. Первая книга стиховъ. И-во „Петербургскій Глашатай“ ц. 50 к. Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

„Синь огнетворящая“ (выходить осенью),
„Взмахъ кадила“,
„Лапландскіе стихи“,
„Аллея поющихъ тонко фонарей“ (Городскіе сны)
И
„Голубокрылый бегемотъ“.

Адресъ автора: 3-я Рождественская, д. 6, кв. 5. Тел. № 208—91.

Цѣна 35 копѣекъ.